

Е. И. Гололобов

РОЛЬ СЕКРЕТНОСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ И РАСПРОСТРАНЕНИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ОБ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ СЕВЕРА СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)*

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-162-168

УДК 94(531)“19” ББК 63.3(253)6

В СССР декларировался комплексный, научно обоснованный подход к изучению и освоению природных ресурсов. Существовала отраслевая наука со своими организационными структурами, профессиональными кадрами и системой их подготовки. В статье проведен анализ специфики производства и циркуляции научного знания об окружающей среде в СССР. Эти процессы находились под жестким контролем партийно-государственного аппарата. Его центральная роль в определении политики освоения природных ресурсов и в целом взаимоотношений общества и природы проявилась в гипертрофированном стремлении к унификации, стиранию различий между разными территориями, приведению их к общему знаменателю «равномерного размещения производительных сил». Документы государственных организаций и учреждений, научные работы, так или иначе касавшиеся природных ресурсов, имели определенный уровень секретности, как минимум гриф «Для служебного пользования» (ДСП). Рамки секретности не давали возможности привлечения широких слоев общественности к обсуждению экологических проблем Севера Сибири в СССР. Ситуация стала меняться во второй половине 1980-х гг., когда благодаря демократическим процессам в СССР экологическая проблематика приобрела общественную значимость.

Ключевые слова: *история природопользования, история освоения Севера Сибири, охрана окружающей среды*

В XX в. освоение северных пространств Сибири становится важной социально-экономической и политической задачей Советского государства. В СССР декларировался комплексный, научно обоснованный подход к изучению и освоению природных ресурсов. Существовала отраслевая наука со своими организационными структурами, профессиональными кадрами и системой их подготовки. Если во главе угла был комплексный, научно обоснованный подход «движения на Севера», почему освоение природных ресурсов во многих случаях повлекло за собой тяжелые экологические последствия? В чем причина принятия необоснованных с точки зрения рационального природопользования экономических и политических решений?

Российские историки в своих работах описывают различные аспекты экономической, социальной и культурной политики государства на Севере в ходе освоения энергетических ресурсов, рассматривая эколого-исторические аспекты этих процессов в общем контексте

развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в русле констатации негативного влияния комплекса на окружающую среду.¹ В дополнение к этим исследованиям для ответа на выше поставленные вопросы имеет смысл обратиться к анализу специфики производства и циркуляции научного знания об окружающей среде в СССР на примере Севера Сибири. В частности, рассмотрим роль секретности в распространении научного знания об окружающей среде в советский период, в первую очередь знания, касающегося природных ресурсов. Обратим внимание и на роль средств массовой информации (советской прессы) в борьбе за охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в условиях наличия цензуры и четкой государственной линии в вопросах освоения природных ресурсов, их рационального использования и охраны окружающей среды.

В России и СССР в освоении пространства центральную роль всегда играло государство. Масштабы освоения северных территорий во второй половине XX в. еще более усиливали этот моноцентризм в области государственного

Гололобов Евгений Ильич — д.и.н., г.н.с., Сургутский государственный педагогический университет (г. Сургут)
E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Югры в рамках научного проекта № 2024-503-08

¹ См.: Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005; Он же. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1. С. 91–99; Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. Тюмень, 2005. Ч. 2.; и др.

строительства и политики освоения природных ресурсов. Юридическая основа освоения природных ресурсов формировалась очень медленно. На это накладывалась специфика советской правовой культуры. Важно отметить, что, несмотря на формальное разграничение властных полномочий между ветвями власти и иерархию правовых норм, закрепленных Конституциями 1936 и 1977 гг., для советского законодательства стало характерным размывание четких границ между законами и подзаконными актами. Большое распространение приобрела практика расширительного толкования законов, вплоть до понимания под ними в 1960–1970-е гг. любых нормативных актов. Особую группу источников по истории советского периода составляли совместные постановления партии и правительства. Они были призваны подкрепить партийные директивы государственными решениями. КПСС была правящей партией, и решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК) лежали в основе законодательной и политической деятельности государства. В партийных документах отражались все принципиальные вопросы жизнедеятельности общества (развитие народного хозяйства, национальная политика, идеология и т.д.).

Отличительной чертой делопроизводства партийной бюрократии была особая секретность. Секретность, система ограничения доступа к информации пронизывала всю систему партийного управления от центральных органов до региональных и местных партийных комитетов. Например, на всех изданных постановлениях сургутских районных и городских партийных конференций о работе районного и городского комитета КПСС стоит гриф «Секретно». Каждый изданный экземпляр имеет номер. Важная особенность государственного делопроизводства советского периода заключается в искусственной разорванности информационной базы. В результате одна, менее значимая часть управленческих функций отражается в документах общего делопроизводства. Другая, наиболее важная, дающая ключ к пониманию механизма принятия решений, фиксируется в секретных документах.

Детально разрабатывались правила работы партийной бюрократии с информацией. За сохранность протоколов заседаний бюро комитетов КПСС различных уровней конкретные партийные функционеры несли личную ответственность. Протоколы заседаний бюро комитетов КПСС хранились в специализированных неогороженных шкафах. Их категорически запре-

щалось выносить из помещений организаций или учреждений. Выписки, а также устная или письменная ссылка на протоколы заседаний бюро обкома КПСС в советском делопроизводстве категорически воспрещались.²

Региональные комитеты партии принимали специальные постановления о порядке публикации в открытой печати документов и материалов областных, партийных конференций, пленумов, собраний партийного актива, бюро и секретариата обкома КПСС. Это можно увидеть на примере деятельности Тюменского обкома КПСС. Учитывая тот факт, что практически все партийные документы имели ту или иную степень секретности, бюро обкома КПСС периодически отмечало факты публикации в открытой печати документов и материалов партийных конференций, пленумов, собраний партийного актива, бюро горкомов и райкомов КПСС без принятия соответствующих постановлений бюро партийных комитетов. В этой связи Тюменским обкомом КПСС было принято решение о том, что документы и материалы партийных конференций, пленумов, собраний партийного актива, бюро и секретариата обкома КПСС разрешается публиковать в открытой печати только по постановлению бюро или секретариата обкома КПСС. Также рекомендовалось окружкомам, горкомам, райкомам КПСС установить порядок публикаций в открытой печати документов и материалов партийных комитетов.³

Все, что так или иначе было связано с информацией о природных ресурсах, особенно о минеральных ресурсах, попадало под гриф «секретно». На заседании бюро Тюменского обкома КПСС от 10 февраля 1970 г. рассматривался вопрос «О фактах разглашения запрещенных сведений районными газетами, Тюменской и Ханты-мансийской студиями телевидения». Нарушался установленный порядок сохранения государственной тайны. Разглашались места дислокации воинских частей и оборонного предприятия. На страницах Омутинской газеты «Ленинское знамя», Тазовской — «Советское Заполярье» и Нижневартовской — «Ленинское знамя» были опубликованы материалы со ссылкой на секретные постановления ЦК КПСС. В ряде газет допускалось разглашение неразрешенных для печати подразделений гражданской авиации и аэропортов, проектной мощности, фактической

² См.: Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5861.

³ См.: Там же. Протокол № 7 заседания бюро Тюменского обкома КПСС от 20 июля 1974 г. Л. 6.

производительности нефтепроводов и других сведений экономического характера. Бюро постановило усилить цензорский контроль.⁴

В указанной справке, приложенной к протоколу заседания бюро Тюменского обкома, находим существенные детали разглашаемой секретной информации. Это Постановление ЦК КПСС «О задачах партийных организаций, советских и хозяйственных органов, колхозов и совхозов по увеличению производства зерна и других продуктов земледелия и животноводства в 1969 году». Была изложена его суть. В газетных публикациях было названо секретное постановление ЦК КПСС от 18 марта 1969 г. «Об усилении работы партийных организаций по обеспечению сохранности социалистической собственности и искоренению растрат и хищений». Разглашались дислокации воинских частей (видимо, тех куда призывались жители этих районов на службу в ряды Советской армии). Разгласили фактическую производительность нефтепроводов Шаим — Тюмень и Усть-Балык — Омск в газете «К победе коммунизма» Сургутского района и многотиражной газете «Знамя» г. Урая.⁵

Центральная роль партийно-государственного аппарата в определении политики освоения природных ресурсов и в целом взаимоотношений общества и природы проявилась в гипертрофированном стремлении к унификации, стиранию различий между разными территориями, приведению их к общему знаменателю «равномерного размещения производительных сил». Такой подход искоренял уникальность с помощью монополизации.

По словам видного отечественного географа Б. Б. Родомана, в 1930-х гг. советскую географию постигла катастрофа: были засекречены крупномасштабные, а затем и среднемасштабные топографические и географические карты, а с ними и все тематические карты тех же масштабов. С грифами секретности вошли в употребление аэрофотоснимки, а позже и космические снимки. Аналогичные материалы, поступавшие из-за границы, также засекречивались. В 1960-х гг. был установлен единый эталон секретности — искаженная карта СССР в масштабе в 1 см 25 км. Отклоняться от нее можно было лишь в сторону ухудшения. Настоящие географические карты исчезли из обихода советских граждан. Про-

странственная слепота людей стала одной из причин деградации среды обитания.⁶

Негативные аспекты такого подхода в полной мере испытали на себе северные территории Сибири. Уже в начале освоения в 1960-е гг. специалисты отмечали, что при высокой экономической эффективности использования природных ресурсов Севера выявилось наличие больших потерь в народном хозяйстве, являющихся результатом низкого уровня хозяйствования в районах Севера — переноса в его своеобразные природные и экономические условия «шаблона средней полосы».⁷ Крупнейшим резервом значительного повышения производительности общественного труда в районах Сибири должно было быть проведение региональной технической политики, связанной с производством для районов Севера Сибири специальной техники, приспособленной к работе в суровых природно-климатических условиях, учитывающей горно-геологические условия Сибири, дешевизну электроэнергии и необходимость сбережения дорогостоящего труда. Ежегодные потери только из-за неприспособленности техники к работе в северных условиях превышали 1 млрд руб.⁸

Экономическую эффективность развития производства в районах Севера Сибири можно было значительно увеличить за счет более комплексного использования природных ресурсов, увеличения глубины переработки сырья. Речь шла о строительстве на отходах древесного сырья целлюлозно-бумажного, гидролизного и др. производств, комплексном использовании цветных металлов, нефтяного и газового сырья и других. Особенно медленно решались вопросы комплексного использования полезных ископаемых. Очень плохо использовались для производства строительных материалов отходы горнорудной промышленности. Наличие недостатков в использовании полезных ископаемых в большей степени объяснялось слабой постановкой планирования этих вопросов и отсутствием координирующего органа, обеспечивающего межотраслевую кооперацию использования недр.⁹

Учитывая это, при Госплане СССР в январе 1981 г. была создана Междуведомственная ко-

⁴ См.: ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5861. Протокол № 28 заседания бюро Тюменского обкома КПСС от 10 февраля 1970 г. Л. 30–31.

⁵ См.: Там же. Д. 5187. Документы к протоколу № 28 заседания бюро Тюменского обкома КПСС от 10 февраля 1970 г. Л. 88, 89.

⁶ См.: Родоман Б. Б. Уроки географии // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 36–47.

⁷ Гололобов Е. И. Проблемы повышения эффективности народного хозяйства и вопросы охраны окружающей среды на Сибирском Севере в 1960–1980-е гг.: проклятье «шаблона средней полосы» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. С. 114–123.

⁸ См.: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 67. Д. 2076. Л. 73.

⁹ См.: Там же. Д. 3388. Л. 48.

миссия по комплексному использованию полезных ископаемых, основной задачей которой являлась разработка предложений по обеспечению межотраслевой кооперации и координации комплексного использования минерального сырья, строительства горнопромышленных комплексов и т. д. Назвать размеры ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей природной среды и отсутствием методик комплексного использования ресурсов и сырья, можно было только примерно, ориентировочно. По оценке ЦЭМИ АН СССР, СОПСа при Госплане СССР, Харьковского политехнического института и некоторых других научных и учебных учреждений, в начале 1980-х гг. он определялся в 18–20 млрд руб. в год.¹⁰

Приведем примеры, характерные для добывающих отраслей Сибирского Севера. Велики были потери полезных ископаемых в недрах: до 1/4 угля и богатых железных руд, свыше 1/2 калийных солей и нефти. Медленно велось строительство предприятий, обеспечивающих комплексную переработку минерального сырья, в связи с чем много попутных компонентов терялось. Много ценных элементов выбрасывалось в атмосферу с газом и пылью. В цветной металлургии, например, использовалось лишь 40 % серы, содержащейся в отходящих газах. В нефтяной промышленности улавливалось только 60 % попутного газа, остальное сжигалось в факелах. В связи с этим важнейшей задачей на протяжении всей второй половины XX в. для горнодобывающих министерств оставалась борьба за улучшение рационального и комплексного использования минеральных богатств страны.¹¹

На решение этих проблем влияли особенности взаимодействия государственных органов власти, хозяйствующих субъектов и научного сообщества в сфере изучения рационального использования ресурсов и охраны природы. Документы государственных организаций и учреждений, научные работы, так или иначе касавшиеся природных ресурсов, имели определенный уровень секретности, как минимум гриф «Для служебного пользования» (ДСП). Анализ ключевых проблем хозяйственного освоения северных территорий; количественная и качественная характеристика основных видов ресурсов освоения: инвестиционных, природных, трудовых; научные концепции и методики подготовки предплановых и плановых материалов для долгосрочных программ хозяйственно-экономического и

научно-технического развития — все эти материалы публиковались очень маленьким тиражом и имели ограниченный доступ. По прошествии многих лет они по-прежнему доступны только в специальных отделах крупнейших российских библиотек либо в ведомственных библиотеках соответствующих организаций, участвовавших в подготовке данных материалов.¹² Чрезмерные ограничения на работу с информацией в сфере изучения природных ресурсов, вопросов комплексного их использования и охраны окружающей среды существенно снижали возможности научных коллективов и организаций взаимодействовать между собой, полноценно обсуждать эту проблематику, воздействовать на государственные органы власти и общественность в принятии решений по этим вопросам.

Наиболее яркий пример вышеизложенного — противодействие научного сообщества идее переброски части стока сибирских рек (Иртыша и Оби) на юг. Изначально неоднозначная идея с точки зрения влияния на природу Нижнего Иртыша и Нижней Оби с сопредельными территориями встретила противодействие в среде ученых-географов. В течение длительного времени таежные районы Западной Сибири изучали специалисты Института географии СО АН СССР (сегодняшний Институт географии СО РАН им. В. Б. Сочавы).

Выводы ученых были изложены в ряде работ с грифом «Для служебного пользования» (ДСП).¹³ Они были однозначными: «Все мероприятия, связанные с обеспечением переброски, в зоне изъятия стока являются экологически ущербными». Проект по переброске рек (в его радикальном «Энергетическом варианте», предусматривающем затопление 15 тысяч квадратных километров территории), при его осуществлении практически ликвидировал бы пойму как природное образование. Катастрофичность такого сценария была очевидной при том, что

¹² См.: О мерах повышения эффективности развития производительных сил Севера СССР / Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР. Межведомственная комиссия по проблемам Севера. ДСП. Экз. № 298. М., 1967; О ходе выполнения планов охраны природы и рационального использования природных ресурсов в десятой пятилетке и задаче по их разработке на одиннадцатую пятилетку и на период до 1990 года. ДСП. Документация отдела охраны природы Госплана СССР // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 3388. Л. 33–50; Социально-экономические проблемы Севера. Научный доклад. ДСП. Свердловск, 1985; Концепция проблемного раздела 1.2.1. «Природные ресурсы СССР» комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1991–2010 годы. ДСП. М., 1986; и др.

¹³ См.: Прогноз ожидаемых изменений природных условий в таежной зоне Обь-Иртышья. Иркутск. ДСП. Экз. № 00084. 1983; Природные комплексы Нижнего Прииртышья и прогноз их изменений при изъятии части стока. Иркутск. Экз. № 0008. 1985.

¹⁰ См.: Там же. Л. 49.

¹¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7091. Л. 28.

Обь-Иртышская пойма играла и играет стабилизирующую роль в отношении трех основных функций природной обстановки: заболачивания, поддержания оптимального гидрологического режима и биологической очистки воды.¹⁴

Гриф «ДСП» не предполагал широкой общественной огласки. Брошюры вышли небольшими тиражами и были доступны ограниченному кругу специалистов. Тем не менее они дают представление о мнении научного сообщества, в частности географического, о «грандиозных проектах» преобразования природы Сибирского Севера, во времена, когда профессионализм становился гражданской позицией. Ситуацию удалось изменить лишь во второй половине 1980-х гг., когда начались процессы демократизации в советском обществе. Стали появляться независимые общественные экологические организации, стал более весом голос творческой интеллигенции: писателей, публицистов и журналистов.

Очевидно, что Советское государство, декларируя охрану природы и рациональное освоение ресурсов как государственные задачи, на первое место ставило выполнение плана. Лозунг советского времени «топливо любой ценой», по сути, обнажал институциональные проблемы государства, которые стояли на пути полноценного претворения в жизнь природоохранного законодательства и рационального природопользования. Секретность усугубляла эти институциональные проблемы, которые стояли на пути реализации комплексного анализа проблем освоения природных ресурсов, и не только северных территорий. Нужно иметь в виду, что существовавшие академические и ведомственные институты, кафедры высших учебных заведений в СССР далеко не всегда могли обеспечить разработку вопросов с учетом взаимозависимости явлений в природе и разносторонней деятельности человека, даже если они ставили перед собой такие задачи. Чаще всего эти организации имели отношение к отдельным ресурсам. То есть они занимались так называемой дифференцированной охраной природы.¹⁵

На проблемы качественного характера насаивались проблемы количественные. Объем производимых научных исследований был недостаточен для тех задач, которые должны были решаться в целях рационального хозяйственного освоения и развития производительных сил Севера. Работы проводились многочисленными организациями разрозненно при отсут-

ствии координации деятельности и взаимного информирования. Когда научно обоснованные решения мешали выполнению и перевыполнению производственных планов, их голоса были слышны слабо: их перекрывали партийные органы власти и производственники.

Специалисты Центральной научно-исследовательской лаборатории охраны природы справедливо отмечали, что дифференцированная или поресурсная охрана природы являлась, по существу, отраслевой (ведомственной) охраной и не могла обеспечить полного решения проблемы. Ограниченная интересами одной отрасли производства, она не могла охватить главного — основных биогеоценотических связей, в соответствии с которыми природные ресурсы являются всего лишь отдельными компонентами единого целого — природного комплекса.¹⁶ Специалисты лаборатории считали, что Госплан должен отказаться от планирования по изолированным отраслям и сосредоточиться на комплексном планировании безотходного производства, независимо от ведомственных выгод, но обеспечивая государственную экономическую эффективность. Другого пути специалисты, ученые, связанные с природопользованием, охраной окружающей среды, не видели, и эта задача представляется одной из основных в деятельности Госплана.¹⁷ Этот путь декларировался и в партийно-государственных документах — решениях съездов КПСС, пленумов, партийных конференций, сессий Верховного Совета СССР и т. д. Однако комплексность, системность проблемы вступала в противоречие с дисциплинарным характером организации отечественной науки и ведомственным характером советской экономики.

Тем не менее нельзя сказать, что каналов воздействия общественного мнения, в том числе различных профессиональных групп, на органы власти совсем не было. Они были, и ими пользовались. В первую очередь этим каналом, несмотря на наличие цензуры и полностью государственный характер, была пресса и в целом средства массовой информации. Появлению критических материалов многое препятствовало: и секретность, и тотальный государственный (партийный) контроль над средствами массовой информации, и самоцензура (пресловутое «как-бы чего не вышло») на местах. Тем не менее, если материал все-таки попадал на страницы газет, на радио или телевидение, власти на него не могли не реагировать.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: РГАЭ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 284. Л. 5.

¹⁶ См.: Там же. Л. 6.

¹⁷ См.: Там же. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 177. Л. 161.

Приведем пример из деятельности секретариата Тюменского обкома КПСС, на котором 13 ноября 1979 г. было принято Постановление «О порядке рассмотрения критических замечаний и предложений, высказываний в печати, по телевидению и радио».¹⁸ Этим постановлением определялся следующий порядок: каждое критическое выступление и предложение в печати, на телевидении и радио сектор печати, телевидения и радио, отдела пропаганды и агитации и общий отдел совместно с соответствующим отделом обкома КПСС, контролирующим работу предприятия, организации или учреждения, которым адресовано критическое выступление или предложение, должен был завести контрольную карточку. Отдел обкома партии должен был оперативно рассмотреть существо поставленных вопросов и доложить о них секретарю обкома КПСС, который затем давал соответствующие поручения, определял ответственного и устанавливал срок устранения критических замечаний и выполнения предложений. Отдел обкома партии должен был добиваться четких ответов на все поставленные в критическом выступлении вопросы, докладывать о принятых мерах секретарю обкома КПСС. Общий отдел контролировал выполнение поручения секретаря обкома КПСС по существу вопроса и по срокам исполнения. То же самое предполагалось в окружках, горкомх, райкомх КПСС, обкомх, облсовпрофе, обкомх ВЛКСМ и для руководителей хозяйственных организаций.¹⁹ Меры принимались, при том что их эффективность очень часто снижалась из-за бюрократических проволочек.

Научное знание вообще и экологические проблемы в частности не знают государственных границ, поэтому эффективное решение данных вопросов невозможно без международного сотрудничества. Даже в годы холодной войны осуществлялись контакты между учеными капиталистических и социалистических стран. Например, с Канадой СССР в 1971 г. заключил соглашение по научно-техническому сотрудничеству, в том числе в области освоения Севера. Ежегодник «Проблемы Севера», который в СССР стал выходить с 1958 г. и был посвящен в том числе и вопросам охраны окружающей среды и рационального природопользования в регионе, был хорошо известен в Канаде научному и профессиональному сообществу. С США в 1972 г. было заключено соглашение о сотруд-

ничестве в изучении и охране природной среды, один из пунктов которого относился к Северу.²⁰

Однако секретность и закрытость информации мешала полноценному международному сотрудничеству в этой сфере. Например, канадские деловые, правительственные и академические круги проявляли большой интерес к советскому опыту освоения Севера. Более того, среди значительной части канадских ученых-североведов было распространено мнение о большей эффективности освоения Севера в СССР. К советскому опыту охотно апеллировали для доказательства своей правоты сторонники новых на тот момент для Канады концепций «комплексного» освоения Севера. Аналогичным образом к канадскому опыту нередко обращались многие советские специалисты для обоснования необходимости повышения эффективности хозяйства Советского Севера путем более высокой его специализации и выноса вспомогательных отраслей хозяйства за его пределы. По мнению известного советского специалиста по Канадскому Северу А. И. Черкасова, можно было говорить об известном взаимном завышении оценки достижений другой стороны в области освоения Севера. Такая ситуация в оценке «северного» опыта друг друга обуславливалась недостаточным знанием проблем освоения региона другой стороны.²¹

С ростом демократизации советского общества во второй половине 1980-х гг., политической значимости экологической, природоохранной тематики во внутренней политике государства увеличивались возможности профессионального, в том числе научного, сообщества влиять на государственные и партийные органы власти.

Подводя итог, отметим следующее. С 1960-х гг. модель природопользования на Севере Сибири стала опираться на добычу полезных ископаемых. Их высокая рыночная конъюнктура и большой экспортный потенциал позволяли решать не только экономические, но и идеологические задачи. Полезные ископаемые стали главным ресурсом, отодвинув на второй план остальные. Иерархия ресурсов порождает иерархию знания о природе и окружающей среде. На вершине этой пирамиды в рассматриваемый период находилось научное знание, способствующее эффективному освоению природных ресурсов. Эта ситуация, в свою очередь, порождала иерархию

¹⁸ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6843. Протокол № 6 заседания секретариата Тюменского обкома КПСС от 13 ноября 1979 г.

¹⁹ См.: Там же. Л. 1а.

²⁰ См.: Агранат Г. А., Андреева Е. Н. Изучение, охрана и использование природной среды на зарубежном Севере // Проблемы Севера. 1973. Вып. 18. С. 196.

²¹ См.: Черкасов А. И. Освоение Канадского Севера: опыт развития производственной и социальной инфраструктуры. ДСП. Экз. № 000006. М., 1983. С. 82, 83.

институтов, создающих это знание, что непосредственно влияло на возможности участия данных институтов и продуцируемого ими знания в принятии политических и экономических решений. Поэтому статус научного экологического знания (связанного непосредственно с охраной окружающей среды) был низок и не имел больших возможностей влиять на принятие управленческих решений. Ситуация усугублялась еще и тем, что знание это было ограничено рамками секретности, не дававшими возможности привлечь широкие слои общественности к обсуждению экологических проблем в СССР вплоть до второй половины 1980-х гг. Все, что

касалось качественных и количественных характеристик природных ресурсов, сырья (особенно стратегического: нефть, газ, уголь, алмазы), методов его добычи и использования, имело гриф «ДСП» (для служебного пользования), оседало в спецхранах библиотек и ведомственных архивах и не могло влиять на общественное мнение или принятие управленческих решений.

Ситуация стала меняться во второй половине 1980-х гг., когда демократические процессы в СССР поставили экологическую проблематику в центр общественного обсуждения, что повысило статус научного знания об окружающей среде во властных структурах всех уровней.

Evgeny I. Gololobov

Doctor of Historical Sciences, Surgut State Pedagogical University (Russia, Surgut)

E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

THE ROLE OF SECRECY IN PRODUCING AND DISSEMINATING SCIENTIFIC KNOWLEDGE ABOUT THE ENVIRONMENT OF THE NORTH OF SIBERIA IN THE SOVIET PERIOD (SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY)

The USSR declared a comprehensive, scientifically based approach to the study and development of natural resources. There was branch science with its own organizational structures, professional staff and their training system. The article analyzes the specifics of production and circulation of scientific knowledge about the environment in the USSR. These processes were under strict control of the party-state apparatus. Its central role in determining the policy of natural resource development and, in general, the relationship between society and nature manifested itself in a hypertrophied desire for unification, erasing the distinctions of different territories, bringing them to a common denominator of “even placement of productive forces”. Documents of state organizations and institutions, scientific works, in one way or another, related to natural resources had a certain level of secrecy, at least that of “For Official Use” («Confidential»). The framework of secrecy prevented the involvement of the public in the discussion of environmental problems of the North of Siberia in the USSR. The situation began to change in the second half of the 1980s, when democratic processes in the USSR gave environmental issues a full-fledged public status.

Keywords: *history of nature management, history of development of the North of Siberia, environmental protection*

REFERENCES

- Agranat G. A., Andreeva E. N. [Study, Protection and Utilization of the Natural Environment in the Foreign North]. *Problemy Severa* [Problems of the North]. Moscow: Nauka Publ., 1973, vol. 18, pp. 196–212. (in Russ.).
- Gololobov E. I. [Problems of Improving the Efficiency of the National Economy and Environmental Issues in the Siberian North in the 1960–1980s: The Curse of the “Midland Pattern”]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2019, no. 6 (63), pp. 114–122. DOI: 10.26105/SSPU.2019.63.5.007 (in Russ.).
- Karpov V. P. [The North and the Arctic in the USSR’s “General Perspective”: Problem of Comprehensive Development]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 1 (50), pp. 91–99. (in Russ.).
- Karpov V. P. *Istoriya sozdaniya i razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1948–1990 gg.)* [History of the Creation and Development of the West Siberian Oil and Gas Complex (1948–1990)]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2005. (in Russ.).
- Koleva G. Yu. *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya. Ch. 2* [The West Siberian Oil and Gas Complex: History of Formation. Part 2]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2005. (in Russ.).
- Rodoman B. B. *Uroki geografii* [Lessons into Geography]. *Voprosy Filosofii* [Issues of Philosophy], 1990, no. 4, pp. 36–47. (in Russ.).

Для цитирования: Гололобов Е. И. Роль секретности в производстве и распространении научного знания об окружающей среде Севера Сибири в советский период (вторая половина XX в.). // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 162–168. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-162-168.

For citation: Gololobov E. I. The Role of Secrecy in Producing and Disseminating Scientific Knowledge about the Environment of the North of Siberia in the Soviet Period (Second Half of the 20th Century) // *Ural Historical Journal*, 2025, no. 1 (86), pp. 162–168. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-162-168.